ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Голубкова Андрея Васильевича «Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Европы).

Докторская диссертация А.В. Голубкова посвящена прециозности и галантной традиции французской культуры XVII века. Прециозность определяется автором как женское салонное движение «со всем сложным набором представлений, распространившихся в парижских салонах середины XVII века» (с. 3 авт.).

В России, где формы быта французской аристократии восприняли глубоко уже в 50-х годах XVIII века (вспомним французский салон графа И.И. Шувалова или деятельность княгини Е.Р. Дашковой), научно отечественным салонным движением стали интересоваться с середины XIX века. Понятно, что оно изучено гораздо больше (например, работы М.О. Гершензона, Ю.М. Лотмана, И.В. Канторович, Е.Н. Палий и др.), чем его французские модели.

В ряду отечественных исследований о французской салонной культуре статьи и работы С.С. Мокульского, М.В. Разумовской, Л.Е. Евдокимовой, К.А. Чекалова, Н.Т. Пахсарьян, Б.Н. Тарасова. В этом перечислении единственной и в своем роде уникальной по содержанию остается книга М.С. Неклюдовой «Искусство частной жизни. Век Людовика XIV» (2008 г.), последовательно обозначившая общие места и ключевые тексты истории салонной культуры и прециозности. Не так много, учитывая, что прециозницы в своем творчестве, по словам А.В. Голубкова, «затрагивают важнейшие риторические и лингвистические вопросы, которые стали

стимулом глобальных изменений в языке и французской литературе» (с. 21 дис.).

Надо признать, вслед за А.В. Голубковым, отставание от французской традиции в изучении салонной литературы в отечественном литературоведении (с. 26-27 дис.).

Верным представляется путь, предложенный автором диссертации – комплексно описать прециозность «как важное направление, во многом определившее развитие французской литературы XVII века» (с. 36 дис.). Концепция диссертации А.В. Голубкова выстроена прежде всего с учетом французской исследовательской традиции (Адан, Фукуи, Латюйльер, Мэтр, Селье, Фюмароли, Дюшен), с применением «социологических методик» Ю. Хабермаса. В целом, по признанию автора, работа выдержана в традициях исторической поэтики (с. 17-36 дис.). Судя по библиографии, – в русле работ С.С. Мокульского, И.Н. Голенищева-Кутузова, А.Д. Михайлова, А.В. Михайлова, М.Л. Андреева, К.А. Чекалова (с. 238, с. 241-242 дис.).

А.В. Голубков признает методологический плюрализм и рассматривает интегральность как необходимое условие адекватного научного исследования. Автор отказывается от принципа «нейтральности» по отношению к предмету исследования, что обнаруживается в контекстном содержании диссертации при использовании инструментария психоанализа, в частности, термина «фригидность» для описания социогенеза галантной традиции и габитуса прециозности. Последний подход (психонализ) не столь комплементарен сложной системе координат концепции исследования. Так ли он необходим?

Цель автора, как заявлено во **Введении**, – «монографическое описание прециозности как направления французской интеллектуальной культуры XVII века, которое в современной литературатуроведческой традиции оказывается соотнесенным с эстетической практикой барокко» (с. 3 дис.), на основе анализа комедии Мольера «Смешные прециозницы», романа М. де Пюра «Прециозница, или Тайна алькова», «Словаря прециозниц» А. Бодо де

Сомеза, интерпретации источников «прециозного архива». С учетом поставленной цели работа начинается с изложения предыстории французского культурного явления.

В **Первой главе** диссертации «Эффект Кастильоне: формы литературной и научной социальности в XVI-XVII вв.» (с. 39-124) выясняются основные концепты прециозности. Обращаясь к истории французского слова «salon», автор диссертации разворачивает культорологическую перспективу оформления салонного дискурса. Значимыми оказываются итальянские дискурсивные практики конструирования социального, основанные не на агональном миропонимании, а на светском конформизме, учтивости, вежестве и галантности. Особое место в главе отведено анализу трактатов «Галатео, или Об обычаях» Дж. делла Казы и «Светская беседа» С. Гуаццо как своеобразных предтекстов французской галантности и прециозности. Параграфы 1.4 и 1.5 описывают становление и распространение академий, салонов, в частности, салона госпожи де Рамбуйе и Кабинета братьев Дюпюи, как «идеологий» регулирующих сферу повседневности (с. 74-80 дис.).

А.В. Голубков показывает влияние художественной литературы на галантизацию французского дворянства (с. 94-100 дис.), рассматривает динамику концепта «honnête homme» и ее связь с дискурсивной практикой галантности, отмечает перенос центра культурного внимания на Даму, которая способна «привить тонкий вкус и обходительность», воспитывать и образовывать (с. 102-108 дис.).

В качестве аргумента в пользу существования «неуловимой прециозности» автор диссертации обращается в 6 параграфе («Эффект делла Казы: «оборотная сторона» галантности во Франции») (с. 112-124 дис.) к традиции французских пародий на трактаты о вежестве.

А.В. Голубков излагает историю влияния пародийных текстов – трактата Сореля, комедии Скаррона и романа аббата де Пюра – на написание

Мольером скандального фарса «Смешные прециозницы», ставшего центоном антипрециозного дискурса (с. 120 дис.), одновременно показывает «полемику внутри аристократической культуры, размышляющей о собственных основаниях и принципах функционирования» (с. 10 дис.). Благодаря и вопреки пародийному дискурсу, становится понятна уникальность французского типажа прециозницы.

Во **Второй главе** диссертации «Феномен прециозности – реальность или литературная фикция?» (с. 125-222) автор не ограничивается повторением известных составляющих феномена прециозности, а начинает его анализ с описания внутреннего ядра концепта «прециозность», привлекая убедительный и изящный материал из «прециозного архива» – письма, галантные аллегорические карты и их описания, сборники «Хроники Субботы», билеты, – обращается к светской полемике вокруг способов бытования прециозности, приятия или неприятия лингвистических и этических идей, которые формировались в недрах салона м-ль де Скюдери (с. 125-133 дис.). Особенно хотелось бы выделить удачный параграф 2.2. «Мишель де Пюр: "Прециозница, или Тайна алькова" (1656-1658)» (с. 140-156 дис.). А.В. Голубков вводит в научный оборот «неизвестный в России» текст и уместно дает его краткий пересказ (с. 140-144 дис.). С опорой на этот документ «исключительной ценности» показывается как прециозницы «обсуждают новые идеи, социальные институции (в особенности брак, а также возможность разводов, «пробный» брак, «временный» брак»)», формируют при всем разнообразии женских типажей и характеров, настроений, образа мыслей и интеллектуальных запросов «аристократическую страту этого периода» (с. 145 дис.), изменяя дискурс своего сословия.

Автор исследования подчеркивает отказ прециозниц «от классического мужского знания, чтения и педантичного усвоения информации, основанной на истинах, разработанных в далеком прошлом» (с. 146 дис.), то есть от риторического мастерства в пользу «естественной пестроты и

нестабильности» (с. 148 дис.), «незаконченности», нелинейности, «случайности» слова. А.В. Голубков делает ценные наблюдения о сочетании устного и письменного слова, свойственного природе жанров салонной литературы, справедливо называет «разговор» и «беседу» первым жанром и, вслед за А. Женитьо, «гипержанром» (с. 147-148 дис.). Устное слово принципиально антириторично, поскольку в нем больше чувства, искренности и веры. Здесь исследователь усматривает элементы диалогической поэтики и показывает принципиальные признаки новой словесности. Удачным представляется обращение к анализу структуры романа аббата де Пюра. Наблюдения о сочетании устного и письменного, о сюжете, которым «оказывается само событие говорения и последующая его письменная фиксация» (с. 154 дис.), замечания о метатекстуальности, сравнение повествовательной структуры романа с романом «Клелия» м-ль де Скюдери, расширяют диапазон рассмотрения поэтики салонной литературы. Выкладки исследователя помогают найти типологию письма XVII века при обращении к другим ключевым текстам эпохи, в частности, к «Письмам к провинциалу» Паскаля и «Максимам» де Ларошфуко, где прерывистая непрерывность, повествование без рассказа, комедийность и ирония тоже создают новый стиль.

В параграфе 2.3 «1658-1666 гг.: “смешные прециозницы”» (с. 156-173 дис.) дается обзор изменений отношения светского общества к этосу прециозниц. Как показывает исследователь, причинами этого оказываются лингвистические и литературные опыты прециозниц и их открытое сочувствие так называемому «янсенизму».

Общий смысл примеров отрицательных коннотаций к слову «прециозница» – «янсенистки в любви», «самец прециозниц именуется янсенистом» (с. 157-158 дис.), «секта», «шайка» (cabale) м-ль де Скюдери (с. 162 дис.), «putains spirituelles» (с. 164 дис.), – созвучен «антиянсенистскому» дискурсу, направленному против сторонников французского благочестия, объединившихся вокруг монастыря Пор-Рояль. В 1657-1659 гг. культурное

противостояние и полемика вокруг новшеств в духовной жизни, предложенных иезуитами, достигает особого накала. Прециозницы, маркиза де Севинье, графиня де Лафайет, графиня де Гриньян, м-ль де Скюдери, м-м де Лонгвиль, не только поддерживали гонимых «учеников Святого Августина», но и публично восхищались стилем «Писем к провинциалу». Маркиза де Сабле и вовсе была хозяйкой «пор-роялевского»/«янсенисткого» салона с 1658 года. Таким образом, женское салонное движение оказывается включенным в главный теологический и культурно-лингвистический спор столетия.

В этом контексте чрезвычайно интересным представляется предпринятое А.В. Голубковым в параграфе 2.7 «"Дьявольский жаргон" vs "очищенный язык": лингвистические и литературные стратегии прециозниц» (с. 201-222 дис.) описание языка прециозниц на основе еще одного важного документа эпохи – «Большого словаря, или Ключа к языку альковов» Бодо де Сомеза и материалов «прециозного архива» (с. 207-227). В этих лингвистических практиках, с одной стороны, отражаются споры о сакральном и профанном, буквальном и символическом в посттридентской Франции, штудии Пор-Рояля (от реформы молитвенника до создания новых методов изучения языков и методик их преподавания), с другой, – общие места нового светского языка и барочный резонанс эпохи. Закономерно, что характерным инструментом изменения языка и познания мира для прециозниц становится метафора (с. 210-212 дис.).

В параграфах 2.4-2.7 описываются возможные хронологические границы прециозной культуры, перечисляются прециозницы-биографические (с. 175-177), реконструируется образ прециозницы – носительницы женского салонного этоса. К привычному портрету добавлены некоторые новые штрихи: лицо, прическа, одежда, стиль поведения (мимика, жесты). Интеллектуальный портрет прециозницы, по мнению А.В. Голубкова, складывается из преодоления кодекса «женщины чести» и из несогласия с «позицией женщины внутри галантной эстетики» (с. 184 дис.), что создает

«разграничение любви и брака», «культ “нежной дружбы”», основанный на усмирении страстей и чувственности (с. 185 дис.).

В **заключении** подводятся итоги исследования, делаются выводы, необходимые для дальнейшего изучения салонной литературы Франции XVII века.

Переходя к вопросам и недостаткам, хочется не смешать их с естественным неприятием. Прежде всего, – структура работы. Сложилось так, что Введение предполагает не только повествовательность, но и концептуальное постулирование узлов истории вопроса, терминов и теоретических основ исследования.

А.В. Голубков начинает с экскурса в 13-ю главу романизированной биографии «Жизнь господина де Мольера» М.А. Булгакова, переходит к избыточному для Введения и недостаточному для диссертации изложению истории русских переводов фарса Мольера «Смешные прециозницы». Исследование темы русской рецепции французской салонной культуры могло бы стать созидательным для выявления типологии салонной культуры в целом, помогло бы более четко и ясно описать явление прециозности. Однако автор диссертации ограничивается только краткой историей переводов пьесы Мольера.

В Заключении А.В. Голубков обращается к мысли А. Адана о том, что «фарс о прециозницах» – «один из самых сложных текстов французской словесности XVII века» (с. 223 дис.). Ход мыслей понятен и даже остроумен, однако автор диссертации «расточителен в своем остроумии». Сделав пьесу Мольера точкой отсчета и одним «из важнейших источников» исследования, А.В. Голубков смешивает явление прециозности и его интерпретацию Мольером. Мольер «вездесущ». Такой зачин повлиял на логику распределения наработанного материала, интересного и ценного. Во время чтения диссертации некоторые фрагменты воспринимаются как затянувшийся комментарий к фарсу «Смешные прециозницы». В связи с этим хотелось бы более четкого определения понятия «прециозности» и

уточнения: как прециозность соотносится с практиками барокко и классицизма?

Обращает на себя внимание невыверенность параграфа 1.2 «"Глаз крота": медицинские и онтологические основания западной мизогинии» (с. 56-64 дис.). Представляется, и материал параграфа это иллюстрирует, что слово «медицинский» здесь лишнее. А.В. Голубков закономерно приходит к сложному вопросу взаимоотношения полов в истории западной культуры, к традиции, которая полна противоречий: с одной стороны, мизогиния, с другой, – освящение отношения к женщине в христианстве. Возможность постановки этой проблемы в рамках данного исследования не вызывает сомнений. Вопросы возникают к выбору материала и особенно к интерпретациям автора диссертации.

Прежде всего, насколько Монтеня можно назвать «мизогином», учитывая «всепроникающую иронию автора «Опытов» (К.А. Чекалов)? Пространные фрагменты из Аристотеля и фундаментального труда Галена интересны сами по себе для данной темы, но комментарии автора диссертации к ним неубедительны. Поэтому приведенные фрагменты из философа и великого врача «не работают» на общую концепцию исследования. Вызывает сомнение взгляд на прециозность как на закономерный ответ на мизогинию и как на попытку реабилитации женщины в физиологической иерархии.

Формула «христианская мизогиния», подкрепленная цитатами из Посланий апостола Павла, изъятыми из контекста и из сложившейся традиции их толкования, звучит некорректно (с. 62-63). Хотя именно Послания апостола Павла наряду с трудами Святого Августина были самым популярным чтением во французском XVII веке. Жаль, что автор диссертации не коснулся другой онотологической основы отношения к женщине, которая стала определяющей для западной культуры – почитание Богоматери – Virgo, Mater Dei, Regina, Rosa mystica.

XVII век, особенно во Франции, стал великим веком мариологических текстов. Деву Марию прославляли в своих сочинениях святой Франциск Сальский, кардинал Берюлль, отец Олье, П. Корнель, Ж.-Б. Боссюэ. Знаковым событием для французского королевства стал обет, и одновременно волеизъявление, короля Людовик XIII, произнесенный 10 февраля 1638 года, которым он вверял Богоматери как особой Защитнице королевства себя, государство и корону. Прециозницы жили в этой атмосфере и несомненно ориентировались на этот дискурс.

Поэтому как неожиданное и недостаточное понимается данное А.В. Голубковым объяснение эмоциональных и духовных устремлений прециозниц (образованных женщин XVII века) через фригидность, даже «культивацию фригидности» (с. 186-190). Все проявления прециозности, в частности, «нежная дружба», по принципиальному замечания М.С. Неклюдовой, «представляла собой секуляризованный аналог тех духовных чаяний, развитию которых способствовала общее обострение религиозных чувств после Тридентского Собора. […] Ее неизменной чертой оставалось пристальное внимание к внутреннему миру, в особенности ко всему, что выходило за рамки конвенциональных мыслей и чувств» (М.С. Неклюдова. «Искусство частной жизни. Век Людовика XIV». М., 2008. С. 85-86). По-видимому, что А.В. Голубков медицинским термином замещает христианское и этическое понятие «целомудрие» (с. 54, с. 190-191, 194-196).

Можно подвергнуть сомнению вынесенное на защиту положение о пронизанности мизогинией западной культуры.

Высказанные сомнения и замечания не исключают высокого теоретического уровня и оригинальности исследования.

В целом, диссертация представляет собой серьезную и самостоятельную научную работу. Ее автор вносит вклад в изучение ментальности XVII века, вводит в научный оборот новые тексты, материалы и сведения из «прециозного архива», обогащает наше понимание галантной традиции и системы жанров салонной литературы, вписывает прециозность в

историю словесности Нового времени, создает возможность для дальнейшего целостного изучения прециозности как уникального явления французской культуры.

Диссертация Андрея Васильевича Голубкова «Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2013 года, № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней»). Её автор, Голубков Андрей Васильевич, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Европы).

Официальный оппонент
Кира Юрьевна Кашлявик
доктор филологических наук,
доцент, профессор департамента литературы и
межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород.
603074, г. Нижний Новгород
Сормовское шоссе 30.

Кашлявик

26 сентября 2017 года

10